

кошмары, постепенно уходило чувство предсмертного страха. Мо — локо, которое она выдаивала своими руками, шло в столовые подразделения Красной Армии, дислоцировавшиеся в Германии, и это вдох — новляло её трудиться как можно лучше.

Нашу семью, можно сказать, ещё пощадила война, в том отношении, что несмотря на ужасные страдания, все остались живы. Оля, нахо — дившаяся два с половиной года на немецкой каторге между жизнью и смертью, демобилизовалась в октябре 45 — го, после окончания вой — ны работала ещё и дояркой и животноводом в воинской части Крас — ной Армии.

Я демобилизовалась в декабре того же года. Ещё раньше, в де — кабре 41 года, вернулся домой и отец, которому тоже пришлось пе — режить трагические моменты, несколько месяцев находился между жизнью и смертью. Как я указала в начале этого повествования, в августе 1941 — го вместе с подразделением добровольцев — опол — ченцев он был отправлен на защиту города Киева. Там они возво — дили земляные укрепления, рыли танковые рвы на окраине города. Но сил для защиты украинской столицы было явно недостаточно, вопреки требованию Жукова отвести наши войска на восток за Днепр, оставить Киев. Хрущёв, бывший тогда 1-м секретарём партии на Украине, как известно, заверил Сталина, что удержит Киев, и со — знательно или несознательно подставил под удар многократно пре — восходивших сил гитлеровских армий, которые окружили город в несколько колец. Наши Стародубские ополченцы и все другие ча — сти, оборонявшие Киев, оказались в окружении, отец, находившийся со своим свояком Павлом (мужем тёти по маме), поняли, что они во вражеском окружении и никого из командиров нет, они решили про — рываться через него. Шли ночью, не видно ни зги, полушепотом разговаривали и вдруг свояк исчезает. Отец, обеспокоенный, ок — ликнул его несколько раз, но свояк как в землю провалился: или его украли, может фашисты, или шальная пуля наповал поразила, был рядом человек и пропал безвозвратно. Отец продолжил путь один, но был схвачен фашистами и брошен в концлагерь — огороженный проволокой загон под открытым небом. Там он пробыл 1,5 или 2 месяца, эсэсовские «повара» кормили пленников дважды в день ба — ландой из необработанного проса, что нашли на Украине, и отец до конца своих дней страдал «кишечником» от ввевшихся в него про — сяных остей.

Находясь под дождём и под палящими лучами солнца, в грязи и при постоянно изнуряющем ощущении голода, отец обратил внимание на то, как фашистские предводители с местными по — лицаями, обходя ежедневно лагерь, окликали на выход украинс — ких пленников, которые больше не возвращались. Однажды он тоже решил назваться украинцем: «была не была, всё равно уми — рать». Его тоже пригласили на пост, где он сообщил, что до ре — волюции Стародубский район входил в состав Черниговской гу — бернии, а поскольку в Россию возвращается старая буржуазная (т.е. фашистская) власть, значит и район снова войдёт в состав Украины. Фашистам, наверное, понравились суждения отца, и они ему выписали пропуск как украинцу на своём, фашистском, т.е. на немецком языке и выпустили на волю. Так отец перехитрил фашистскую администрацию поста. Он, голодный и по летнему раздетый, в рваной гимнастёрке, долго добирался до своего дома, нанимаясь в деревнях у состоятельных хозяев — украинцев, зара — батывая на кусок хлеба. А по возвращении домой в декабре 41-го, его выдала фашистам жена бывшего кулака, которую почему — то называли «белкой». Дело в том, что того кулака — односельчанина раскулачивал мой отец, бывший председатель сельсовета в 1931 году за то, что тот отказался сдавать государству повышенный налог на зерно, но главное за то, что агитировал крестьян не всту — пать в колхоз.

В фашистской тюрьме в Стародубе отец просидел месяца два, ежедневно ожидая расстрела — «белка» выдала его как партизана. Сначала отец боялся показать фальшивый немецкий пропуск, но когда понял, что не избежать расстрела, вынужден был его показать, и немцы поверили ему больше, чем провокационному доносу жены кулака лишь потому, что это был документ на их родном языке. Так фальшивый пропуск спас отцу жизнь.

Разгромив фашистов на Курском выступе, войска Брянского фронта в сентябре 1943-го начали стремительно освобождать города и сёла Брянской области. Отступая, фашисты сожгли нашу дерев — ню. Её жители, в том числе и моя мама с детьми и старшей дочерью, прятались в лесу. Мужчины — в одной его части, женщины в другой, у кого были коровы, они увели их в лес, мама увела свою тоже. Немцы с полицаями рыскали по лесу, ловили тех, кто помоложе, от — нимали коров и гнали их впереди себя в Германию, чуть было не